ОГАРЕВ И МУЗЫКА

НАШ КАЛЕНДАРЬ

К 150-летию со дня рождения

Выдающийся русский поэт-революционер Николай Платонович Огарев был страстным любителем музыки. Об этом свидетельствуют его письма, стихи, музыкальные пьесы, наброски. Много времени поэт уделял музыкальным занятиям. Любовь к музыке владела Огаревым с детских лет. «Он любил музыку, — вспоминала Н. А. Тучкова-Огарева, — любил великих музыкальных мыслителей, как Бетховен, Моцарт, Гайдн. Он любил фантазировать, потому что музыка могла выразить, что было у него на сердце...».

Сам Огарев порою жалел, что не стал музыкантом: «Мне жаль, что я не музыкант, — писал он.— Была ошибка в детстве, что я не захотел учиться. Музыка мне отрадней поэзии...». А в одном из писем он однажды признался, что отдал бы за это «полжизни». В его переписке и статьях сохранилось немало интересных наблюдений над творчеством выдающихся композиторов, ярких и метких суждений о музыкальном искусстве, поэтому музыкальные образы, сравнения и термины так часто встречаются в стихотворениях поэта, а иногда служат даже названием его произведений.

Деятельность Николая Платоновича Огарева неразрывно связана с жизнью и творчеством его гениального друга Александра Ивановича Герцена. Оба они, по образному слову А. И. Герцена, составляли «разрозненные темы одной поэмы».

«...С некоторого времени, — писал Огарев Герцену 7 июня 1833 года, — я решительно... полон, можно сказать, задавлен, ощущениями и мыслями, что мне кажется, мало того кажется, мне врезалась мысль, что мое призвание быть поэтом, стихотворцем ли или музыкантом (все равно), но я чувствую необходимость жить в этой мысли... Друг! Скажи же, верить ли мне моему призванию?».

В другом письме от 18 августа того же года писал: «...Для чего я не знаю музыки, какая симфония вылетела бы из моей души теперь...».

Увлечение музыкой влияло на самую музыкальность стиха, размера, рифмы у Огарева. Не случайно его поэзия постоянно привлекала к себе внимание русских композиторов. Лучшие его стихотворения были положены на музыку современником поэта Алябьевым («Много грусти», «Изба», «Кабак», «Деревенский сторож»), Чайковским («На сон грядущий»), Аренским («Звуки»), Глиэром и другими.

Огарев играл на фортепьяно, разбирался в вопросах музыки, сочинял. «Занимаюсь генералбасом и пишу романс за романсом», — читаем в одном из его писем.

Сохранились фортепьянные произведения (вальсы, прелюдии, скерцо) и романсы Огарева. Чувство глубокой симпатии к поэту А. Полежаеву, этому, по словам Огарева, «горячему юноше, с сильным поэтическим талантом», вызвало к жизни музыку на текст стихотворения «Песнь пленного ирокезца». Огарева-музыканта вдохновляло и творчество его любимого поэта Лермонтова. «Они так изящно выражены, — говорит Огарев о стихотворениях Лермонтова, — что их можно не только читать, их можно петь, да еще на совсем своеобразный лад. Из них каждое, смотря по объему, или песня, или симфония».

Среди романсов Огарева на лермонтовские тексты есть и законченные произведения («Тучки небесные», «Песнь рыбки» и поэмы «Мцыри», «Есть речи значенье»), и наброски («Выхожу один я на дорогу», «На светские цепи», «Русалка плыла по реке голубой»). Огарев написал музыку ко многим стихотворениям Пушкина, Фета, Гете и к своим собственным стихотворениям.

Он интересовался и другими музыкальными жанрами. В молодые годы работал над музыкой и текстом оратории «Гармония миров». Позднее (в 50-е годы) Николай Платонович принимался даже за сочинение оперы «Русалка» по Пушкину.

Огарев превосходно знал классическую музыку и живо интересовался современным ему музыкальным искусством. Его перу принадлежит перевод немецкого текста нескольких песен Шуберта, в том числе знаменитой «Серенады» на слова Рельштаба («Песнь моя летит с мольбою...»).

Особенно остро воспринимал Огарев родные песни, живя на чужбине, где он находился вместе со своим другом и соратником А. И. Герценом. По воспоминаниям В. А. Панаева, относящимся к лондонскому периоду жизни поэта (50-е годы), семью писателя Герцена посетил как-то знакомый, хорошо исполнявший русские песни. «Когда он запел... Герцен, Огарев и жена его пришли в неописанный восторг. Вспоминались им русская удаль, все родное... и слезы появились на их глазах...». Н. А. Тучкова-Огарева (дочь декабриста) так рассказывает об этом же эпизоде: «Герцен и Огарев стояли взволнованные, грустные и обрадованные в то же время: они мысленно переносились на родину и прошедшее воскресало для них...».

Еще в молодости Н. П. Огарев был подвергнут царской репрессии, и за его поведением был учрежден секретный полицейский надзор. Он искал возможности выразить свое презрение к ненавистному царскому режиму. Вместе с литератором В. И. Соколовским он распевал сатирические песенки о «царственной особе» Николая I, а в декабре 1833 года полиция заметила, что у подъезда Малого театра он распевал с товарищами «Марсельезу». Следственной комиссией Огарев был обвинен в «пении дерзких песен».

Будучи талантливейшим поэтом, Н. П. Огарев в своих глубоких и задушевных лирических стихотворениях, из которых многие были переложены на музыку и прочно вошли в фонд русских революционных песен, выражал революционные мысли и чувства народных масс.

Активный деятель русского освободительного движения 60-х годов Н. Я. Николадзе вспоминал, что на литературных и музыкальных вечерах исполнялись многие произведения Огарева. Особенный успех имело стихотворение «Свобода». Молодежь неистовствовала, когда пелись его строфы:

«Но если б грозила беда и невзгода
И рук для борьбы захотела свобода —
Сейчас полечу на защиту народа
И если паду я средь битвы суровой,
Скажу, умирая, могучее слово
Свобода! Свобода!».

Творчество поэта помогло народу сбросить вековые оковы рабства. Музыка была постоянным спутником жизни борца, мыслителя и художника, 150-летие которого советский народ отмечает 6 декабря с. г.

З. ЗАЙЧИКОВ.

Советская Мордовия
г. Саранск
5 ДЕК 1963